

Глава 1. Сын моей крёстной

.1.

— Меня зовут Цзи Сюэлин, я приехал из города N. В свободное время увлекаюсь...

Стоя на кафедре перед всем классом, я представлялся — с подчёркнуто серьёзным выражением лица и самым невозмутимым тоном. Шёл второй день моего пребывания в Университете В города В. Утром мы с Гао Нином, сверяясь с картой, обошли кампус, а после обеда явились в аудиторию на наше первое классное собрание.

Я человек привычки, предпочитаю умеренность и порядок. Поэтому сегодня на мне был самый обычный спортивный костюм британской марки «ХХ», на ногах — такие же неприметные кроссовки. Я старался держаться максимально скромно и вышел к доске последним.

— Мать твою! Так вот ты где, Цзи Сюэлин! Ну и заставил же ты меня побегать!

Я не успел договорить и половины фразы, как мой размеренный монолог был бесцеремонно прерван восторженным воплем. Я и обернуться не успел, как в меня врезался стремительный вихрь. Чьи-то сильные руки по-хозяйски обхватили меня за шею, и я, потеряв равновесие, уткнулся носом в чью-то широкую и твёрдую грудь.

— О-о-о-ух!..

Секундой позже раздался вопль, полный неподдельной боли. Мой внезапный гость, завывая, отшатнулся к дверям, судорожно прижимая ладонь к левому глазу. Я же, потрянув занывшими пальцами, бросил на него короткий, пренебрежительный взгляд. Повернувшись к онемевшему куратору и притихшим одноклассникам, я застенчиво улыбнулся и как ни в чём не бывало продолжил:

— Моё хобби — чтение. Из спорта предпочитаю футбол. Спасибо за внимание!

Чинно поклонившись аудитории, я спокойным шагом направился к свободному месту рядом с Гао Нином.

— Цзи Сюэлин, ты что, страх потерял?! Решил меня побить? А ведь мать велела мне о тебе заботиться!

Этот неотесанный детина вскочил и принялся возмущённо скакать у входа, тыча в мою сторону пальцем.

Эх... Не зря моя крёстная, учитель Ду, вечно жаловалась, что вырастила на редкость

невоспитанного и грубого сына. Я до последнего отказывался верить, что лучший ученик города S, ежегодно занимавший первые места в рейтингах элитной школы, может быть настолько... дремучим. Относительно этого Чун Яо, которого я раньше в глаза не видел, но должен был называть «старшим братом», я питал кое-какие иллюзии.

Теперь от них не осталось и следа.

— Одноклассник Чун Яо, ты опоздал. Будь добр, представься классу, а потом присаживайся, — напомнил я ему, сохраняя изысканную вежливость и невозмутимость, и грациозно опустился на стул рядом с Гао Нином, который сейчас выглядел крайне недовольным.

— Так это и есть Чун Яо? Ну и ну... — прошептал Гао Нин мне на ухо. В его голосе сквозило такое глубокое разочарование, словно он был отцом, в одночасье осознавшим, что его чадо — безнадёжный остолоп.

Я лишь едва заметно улыбнулся.

Хотя я видел Чун Яо впервые, заочно мы были знакомы давно. Учитель Ду ещё во время подачи документов в вуз предупредила: её сын выбрал те же специальности, что и я. И если не случится ничего экстраординарного, мы окажемся в одном университете, на одном факультете и в одной группе. А если судьбе будет угодно пошутить, то и в одной комнате общежития — возможно, даже на соседних полках.

Удача оказалась на редкость ироничной: всё вышло именно так, как хотела учитель Ду. Когда мы с Гао Нином, таща за собой чемоданы, отыскивали свою комнату, я первым делом увидел на нижней койке табличку с именем Чун Яо. И надо же, этот парень умудрился опоздать в первый же день!

Гао Нин был в ярости из-за того, что не смог занять койку рядом со мной. Не будь он уверен, что учитель Ду уже проинструктировала сына, он бы наверняка потихоньку переклеил наши имена.

Но я, помня наказ крёстной, устроил из распределения мест в комнате едва ли не прямую трансляцию по телефону, не оставив Гао Нину ни малейшего шанса на махинации.

«И почему ты не мог позвонить своей крёстной на минуту позже?» — ворчал Гао Нин, долго буравя взглядом имя Чун Яо на табличке, пока я раскладывал вещи в шкафу.

Я сделал вид, что не расслышал. Поступил я так не случайно. Напротив — это было необходимо. Если знаешь, что назревают проблемы, лучше купировать их в зародыше.

Собрание, погружённое в хаос из-за появления Чун Яо, продлилось ещё минут двадцать. В конце куратор попросил остаться пятерых или шестерых студентов, остальные были свободны.

Чун Яо уселся прямо рядом со мной, сверкая наливающимся синяком под глазом — вылитый пиратский пёс из какого-нибудь мультфильма. Пока все рассаживались кругом, ребята то и дело бросали на нас косые взгляды. Все, кроме Гао Нина, который демонстративно смотрел в сторону.

Логика этого мужлана была поистине пугающей. Завершая своё краткое приветствие, он внезапно добавил:

—... Моя мать — крёстная Цзи Сюэлина, так что я ему за старшего брата. Отныне его дела — это мои дела!

Другой бы произнёс это как участник бандитских переговоров, но у него это прозвучало с такой сокрушительной, почти первобытной уверенностью, что в аудитории сразу дрогнули девять девичьих сердец. На нашем факультете, где мужское население обычно превалировало в катастрофических масштабах, группа из двадцати восьми человек, в которой оказалось девять девушек (причём пара из них были настоящими красавицами), считалась едва ли не райским садом.

— Он ведь всю жизнь учился в городе S... Откуда в нём это слепое послушание матери? — проворчал Гао Нин, вновь склонившись к моему уху.

По его ядовитому тону я понял: Вэй Ицзунь, пребывающий сейчас в далёкой Британии, очень скоро узнает о каждой детали сегодняшнего инцидента. А значит, мне придётся как-то обозначить свою позицию. Все беды от этого Чун Яо... Как он там сказал? Его дела — это мои дела? Похоже, всё ровно наоборот.

Оставшиеся студенты были выбраны куратором в качестве кандидатов во временный класный комитет.

С Гао Нином всё было ясно: в школе он бесменно занимал посты старосты и председателя Студенческого совета, умудряясь при этом шесть лет подряд держаться в тройке лучших учеников. Ещё тогда я понял, что этот парень — прирождённый чиновник, которому прямая дорога во власть.

Чун Яо тоже был вне конкуренции — местная легенда, да ещё и Чжуанъюань факультета в этом году. Оставить такого без должности было бы преступлением против здравого смысла.

Что же касается меня... признаться, я чувствовал себя неловко. В школе не рвался в старосты и не штурмовал вершины рейтингов успеваемости, довольствуясь скромными должностями в студенческих клубах. На фоне этих маститых отличников мой послушной список выглядел блёкло.

Впрочем, перед отъездом Гао Нин несколько раз напомнил мне, что в университете быть активистом выгодно. И если я по-прежнему предпочитаю лениться, оставаясь при этом «серым

кардиналом» коллектива, то стоит занять хотя бы пост заместителя. И бонусы в кармане, и ответственности никакой.

Что ж, на таких условиях я был не против обзавестись какой-нибудь должностью.

Временный классный комитет сформировался быстро, после бурных обсуждений. Гао Нин ожидаемо стал старостой, Чун Яо назначили спортивным комиссаром, а мне досталась роль заместителя старосты. Мою кандидатуру выдвинул он, мотивировав это тем, что мы давно работаем в паре и прекрасно понимаем друг друга. Поскольку назначения были временными, куратор согласился без лишних раздумий.

Когда мы вышли из аудитории, Чун Яо привычно закинул руку мне на плечо и прошипел, сквозь зубы:

— Ну ты и зверь... У меня там фонарь, да? Сильно заметно?

Я легонько ткнул его локтем под дых и хмыкнул:

— Сам виноват. Мало того что опоздал, так ещё и решил наброситься на меня на глазах у всех. Будь на твоём месте кто-то другой — отделался бы куда хуже.

Чун Яо лишь весело взъерошил волосы. Простой как три копейки, он совершенно не умел обижаться. Ну а я, как человек воспитанный и благородный, тоже не стал заикливаться на его выходке.

— Слушай! Пойдём, я тебя покормлю чем-нибудь вкусным! — с энтузиазмом предложил он. Видимо, учитель Ду провела с ним качественную воспитательную работу: не прошло и часа с нашей встречи, а он уже всю примерял на себя роль заботливого «старшего брата».

Гао Нин, стоявший рядом, громко и выразительно кашлянул. Я поспешил официально представить их друг другу. Но стоило Чун Яо открыть рот, как тот едва не задохнулся от возмущения.

— А! Гао Нин, точно! Слышал о тебе, — радостно выдал этот баламут. — Ты ведь тот самый пластический красавчик, которому мой братишка когда-то вмазал так, что нос пришлось перекраивать?

— Цзи Сюэлин! Ты и ЭТО своей крёстной разболтал?! — взорвался Гао Нин, багровея на глазах.

Для него, идеального красавца, тема «пластического вмешательства» была самым страшным табу. А этот прямолинейный дуболом ляпнул первое, что пришло в голову, эффектно подорвав мину замедленного действия.

Вздыхнув, я достал телефон и протянул его Гао Нину.

— Эту историю могла рассказать либо Сяо Инь, либо крёстная сама где-то услышала. Я тут ни при чём. Можешь сам ей позвонить и всё выяснить, — спокойно произнёс я.

Гао Нин осёкся. Моя невозмутимость подействовала на него отрезвляюще, и он, кажется, понял, что его вспышка была несправедливой.

— Да брось ты, — встрял виновник переполоха, продолжая поучать бедолагу. — Ты ведь друг моего брата, значит, и мне не чужой. Чего ты как не родной? Подумаешь, секрет полишинеля...

Несмотря на то что мы провели вместе всего пару часов, я уже мог в общих чертах представить себе следующие четыре года учёбы. Гао Нин здесь, Чун Яо под боком... И хотя Вэй Ицзунь за тысячи миль отсюда, в Англии, я уже знал наверняка: покоя мне не видать.

<http://bllate.org/book/17483/1691741>